

4. Раскол «тройки»

После окончания съезда тактический союз Сталина, Зиновьева и Каменева, созданный в начале 1923 г. для уничтожения троцкистской оппозиции, начал трещать по швам. Сталин раскритиковал «теоретические заблуждения» Зиновьева (который вроде бы спутал «диктатуру партии» с «диктатурой пролетариата») и Каменева (который, сопоставив «нэпманскую» и «социалистическую» Россию, осмелился предположить, что в России нет социализма!). Этот непрочный союз («тройка на время вновь сплотился в конце августа 1924 г. из-за меньшевистского восстания в Грузии, быстро подавленного, и прежде всего в ответ на издание в октябре 1924 г. «Уроков Октября» Троцкого, Приводя различные исторические аналогии, Троцкий развивал тему, ставшую основной в последующих его работах: революция предана «правыми». Особенно он обрушивался на Зиновьева и Каменева, которые в октябре 1917 г. не поняли, что революцию надо было начинать в тот момент, о котором говорили Ленин и Троцкий. Шесть лет спустя, теперь уже вместе со Сталиным, Зиновьев и Каменев снова продемонстрировали свой «правый» уклон, не веря в успех революции в Германии. После этого их нельзя считать ленинцами. Для Троцкого полемика на исторические темы, которые легко интерпретировать как угодно, была хождением по острию бритвы, Спор был неравный и в политическом, и в практическом отношении (чего не учитывал Троцкий): в то время как «Уроки Октября» исчезали из обращения, вся пропагандистская партийная машина была мобилизована на критику вырванных из контекста отрывков из этой предосудительной работы.

Каменев не колеблясь обвинил Троцкого в его меньшевистском прошлом. Сталин стал отрицать роль Троцкого в Октябрьской революции и гражданской войне. В этом споре родилась сталинская теория «социализма в отдельно взятой стране», источник которой — замечание Ленина, промелькнувшее в одной из статей, написанных в 1915 г., где он говорил, что в исключительных исторических обстоятельствах революция может произойти не одновременно в нескольких странах, а в одной, от-

дельно взятой стране. На этом шатком фундаменте (естественно, бесспорном) Сталин развил теорию о возможности построения полноценного социалистического общества в отдельно взятой советской стране на основе имеющихся человеческих и природных ресурсов и военной силы, которую следует укреплять ввиду капиталистического окружения, ожидая более благоприятных для мировой революции обстоятельств. Эта примитивная теория тешила националистические чувства и была великолепно приспособлена к психологии рядового члена партии, уставшего дожидаться мировой революции и окончательного построения социализма (подтверждение этому я нашел в архивах Смоленска. — Н.В.). Ценность этой теории была еще и в том, что она отражала аргументацию Троцкого, упрекавшего своих противников в отсутствии революционного порыва, которые ему отвечали, что его мечты о мировой революции лишь свидетельствуют о неверии в силы своей страны и коммунистической партии.

Пресса обрушила на Троцкого град обвинений, против него были направлены сотни резолюций, принятых на партийных собраниях, его позицию осудил январский пленум ЦК 1925 г. В связи с этим ему пришлось передать пост военного наркома М.В.Фрунзе, однако Сталин настоял на том, чтобы Троцкий остался в Политбюро, тогда как Каменев и Зиновьев требовали исключения его из партии.

Разгром Троцкого предопределил судьбу «тройки». В 1925 г. стал намечаться быстро углубляющийся конфликт между центром и ленинградской партийной организацией. XIV партконференция, однако, прошла без особых столкновений. По настоянию Бухарина (незадолго до того бросившего свой знаменитый лозунг: «Обогащайтесь!») на конференции был принят ряд мер в пользу крестьянства (снижение промышленных цен и земельного налога, льготы на аренду земли и наем рабочей силы). Вскоре после конференции, на которой Сталин полностью поддержал тезисы Бухарина, Зиновьев, глава ленинградской парторганизации, резко осудил эту политику «уступки кулачеству». Свои взгляды он изложил в работе «Ленинизм», где по-новому трактовал ленинские идеи. Зиновьев напоминал, что Ленин всегда считал нэп стратегическим отступлением, а не эволюцией, и, следовательно, нельзя идти к социализму, когда крестьяне поощряются антисоциалистическими методами, и что теория «построения социализма в отдельно взятой стране» ошибочна с точки зрения ленинизма. 5 сентября, Зиновьев, Каменев, Сокольников и Крупская подписали «платформу четырех», в основных положениях повторяющую работу Зиновьева. В Ленинграде наметилась новая оппозиция, возглавляемая Зиновьевым. Все лето «Ленинградская правда» полемизировала с центральной прессой, пытаясь доказать не только то, что именно она является единственной наследницей дореволюционной «Правды», но и что Ленинград — «цитадель пролетарской диктатуры в стране» и ленинградский пролетариат — «творец трех революций» и «соль земли пролетарской». Зиновьев писал, что ленинградский пролетариат состоит из потомственных рабочих, среди которых очень велик процент коммунистов; московский пролетариат, наоборот, очень нестабилен, поскольку в нем много недавних выходцев из деревни. Получалось, что пролетарская партийная организация Ленинграда во главе с Зиновьевым достойна ленинского наследия больше, чем кто-либо. Конфликт обострился, когда Секретариат ЦК отстранил от работы Залуцкого, заместителя Зиновьева. В ответ в Ленинграде были отстранены от должностей все коммунисты, разделявшие позицию Москвы. Предвыборные конференции, на которых выбирались делегаты на XIV съезд партии, проходили очень бурно. Вплоть до того, что 10 декабря ленинградская партконференция направила письмо московской организации, где обвиняла ее в «ликвидаторском неверии в победу социализма». За три дня до открытия съезда (15 декабря) большинство в Политбюро предложило ленинградской организации «перемирие»: не выносить на съезд разногласия между организациями, восстановить в должности изгнанных ленинградских секретарей и ввести в состав Секретариата представителя Ленинграда. Зиновьев расценил это как предложение о «капитуляции» и категорически отверг его.

XIV съезд партии (18 — 31 декабря 1925 г.) открылся в очень напряженной обстановке. Сталин представил отчетный доклад. Он взял на себя роль беспристрастного посредника между «правыми» и «левыми», между Зиновьевым и Бухариным. Зиновьев в очень деликатной форме, без каких-либо выпадов против Сталина отверг предположение, что основная угроза исходит от «левых». Обстановка накалилась,

когда Крупская, выступая от имени оппозиции, привела в пример Стокгольмский съезд (1906 г.), где большевики оказались в меньшинстве, и сказала, что большинство не всегда право. Всеобщее возмущение вызвал Каменев, обвинивший Сталина в «диктате», заявивший, что тот не способен осуществлять единство большевистского руководства и что он «против идеи вождя». В одном из своих риторических выступлений на съезде Сталин подтвердил, что только коллективное руководство может привести партию к цели. Отчетный доклад Сталина был принят 559 голосами против 65 (ленинградская оппозиция). Снова был увеличен состав ЦК и Политбюро, куда вошли Молотов, Ворошилов и Калинин.

Сразу после съезда Политбюро поручило комиссии под председательством Молотова навести порядок в ленинградской партийной организации. «Обработав» местные партийные организации, произведя кадровые перемещения ответственных работников, воспользовавшись полномочиями, данными ей съездом, комиссия за один месяц добилась почти единогласного (96%) одобрения ленинградскими коммунистами линии, принятой на XIV съезде. Зиновьева отстранили от руководства ленинградской партийной организацией и вместо него назначили Кирова, вызванного из Баку.